

С. <ФРАНК>

ГОЛОСА ХРИСТИАНСКОЙ СОВЕСТИ В ГЕРМАНИИ

Политические события в Германии, как известно, имели и имеют очень бурное и сложное отражение и в церковной жизни. Правда, германский католицизм в общем сравнительно легко ориентировался в новом положении вещей, да и позиция его была гораздо более прочной в силу наличия в нем сверхнациональной высшей власти в лице папства; ценою отказа от политической деятельности духовенства католицизм заключил очень выгодный для себя конкордат с германским правительством, обеспечивающий неприкосновенность внутренней церковной жизни. Буря политической и духовной революции отразилась, напротив, с исключительной силой на протестантских церквях. Господствующее ныне миросозерцание — само по себе внецерковное и старающееся держаться в стороне от богословских и вероисповедных споров — в силу своего притязания на целостное водительство человека не могло не столкнуться с традиционным церковно-христианским миросозерцанием. К давно уже широкими кругами протестантизма ощущавшейся потребности во внешней реформе церковной организации присоединилось выдвинутое движением «германских христиан» требование внутренней реформы, т.е. *новой реформации* в духе согласования религиозной веры с националистическим миросозерцанием — требование, вызвавшее бурный отпор большей части пасторов и церковного народа.

Мы не станем здесь излагать ни содержания, ни сложных перипетий этих событий в церковной жизни немецкого протестантизма — каждый день здесь меняет положение, создает новые группировки, приносит новые установки — церковно-политические и чисто политические. Отметим лишь два основных и общих факта этой духовной борьбы. *Во-первых*, движение «германских христиан», в первые дни революции очень влиятельное, чрезвычайно быстро — гораздо быстрее, чем аналогичное ему в некоторых отношениях явление «живой церкви» в советской России — обнаружило свою внутреннюю несостоятельность и в сущности уже развалилось. Оно распалось на левое, радикальное крыло, которое открыто противопоставляет себя христианству и создает новую «германскую веру», — и на правое крыло, которое (в особенности в южной Германии) решительно признало непоколебимость авторитета Библии и протестантского исповедания и повело открытую борьбу с радикалами рука об руку с движением оппозиции против «германских христиан». *Во-вторых*, протестантизм обнаружил гораздо больше духовной стойкости и живой религиозной силы, чем могли ожидать поверхностные его наблюдатели. В этой духовной борь-

бе он, можно сказать, возрождается к новой жизни после долгого периода духовной спячки и апатии.

Сила нового протестантского движения лежит в том, что оно пытается твердо стоять на чисто *религиозной* почве. Его общий лозунг — отдавать кесарю кесарево, но не отступать ни на шаг там, где надлежит отдавать Богу — богово. Во всех случаях покушения на сферу религиозной совести оно твердо следует апостольскому правилу, что недопустимо слушаться людей более чем Бога. Не прослеживая здесь событий этой борьбы, мы хотели бы остановиться на возникшей в связи с ней актуальной богословской или церковно-политической литературе. Из необозримого количества книг, брошюр, журнальных и газетных статей выделяются отчасти своей особой внешней влиятельностью, но прежде всего своей внутренней значительностью писания двух известных современных богословов — вождя неокальвинистического богословия *Карла Барта* и вождя движения «высокой церкви» (*Hochkirchbewegung*), т.е. оцерковления протестантизма — *Фридриха Гейлера* (*Friedrich Heiler*)¹. Эти писания могут быть без преувеличения названы голосами пробужденной христианской совести в Германии, и они заслуживают величайшего внимания со стороны всего христианского мира.

Общая религиозно-богословская позиция Карла Барта известна. Его первое произведение — комментарий к «Посланию к Римлянам» («*Der Roemerbrief*», 1919) был манифестом борьбы против либерального протестантизма, против обмирщения и ослабления протестантского религиозного сознания — суровой проповедью абсолютной инородности Бога миру и культуре, полного ничтожества человека и всех человеческих ценностей перед лицом суда Божия. Книга эта в свое время взбудоражила немецкую религиозную протестантскую мысль и создала целую школу так называемого «диалектического богословия». Это движение, потом систематизированное, изложенное самим Бартом и его последователями в множестве ученых трудов, вошедшее уже в обиход немецкой университетской науки, в известной мере начало уже снижаться в своем духовном упоре — из пророческого призыва к покаянию и обращению к Богу стало превращаться в «направление» богословской мысли. Борьба с нынешним движением как будто влила новые силы в Барта. В ряде брошюр под общим заглавием: «Нынешнее богословское бытие» (*Theologische Existenz heute*) — основополагающим является первый выпуск (июль 1933 г.) — Барт с пророческим пафосом, с огромной религиозно-моральной силой выступил против нового искажения христианства. Барт отказывается

¹ К ним надо присоединить в католической церкви замечательные проповеди (*Adventspredigten*) мюнхенского кардинала Фаульгабера, вышедшие отдельной книгой (*Kardinal Faulhaber. Judentum, Christentum und Germanentum*). Мы отмечаем их здесь, не имея возможности подробнее на них остановиться. (Выделено автором. — А. Г.)

вообще говорить об «актуальности», о «нынешнем положении»; он хочет говорить только *по существу*. Говорить же по существу значит для него — быть всегда обращенным к Богу, и слово Божие брать единственным и верховным мерилom всей своей жизни, всего поведения, отношения ко всем вопросам. С суровым достоинством он говорит, что он учит с кафедры и проповедует в церкви, как если бы в Германии ничего не случилось; его принципиальная церковно-политическая ориентировка в нынешнем положении заключается в отказе от всякого ориентирования на него. В церкви и в религиозной мысли человек стоит только перед Богом — в этом и заключается его «богословское бытие» — а не перед властями и течениями века всего; последние для него вообще не существуют. И задача брошюры Барта — просто показать религиозное «небытие», ничтожество всего ныне совершающегося. Он отрицает прежде всего религиозную необходимость какой-либо реформы церковной организации. Требование этой реформы мотивируется политическими потребностями, а не вытекает из религиозной нужды самой церкви. Нет никаких оснований поднимать вопрос о введении епископата; мотивировка и здесь была политической, а не религиозной — считали нужным, в подражание новому типу государственного устройства, иметь «вождя» и в церкви. Но в церкви — как, впрочем, и в государстве — вождь должен быть реальностью, данной от Бога, а не «вводиться» на основании нового «принципа». Барт отличает истинного харизматического руководителя церкви от установления «епископата», противоречащего, по его мнению, духу христианства и означающего попытку восстановления папства. В религиозном смысле единственным «вождем» церкви был, есть и навеки останется Иисус Христос. Словом, движение реформы показало только, что церковь изменила себе самой и вопреки обещанной ей новой властью независимости стала приспособляться к политическим тенденциям дня.

Еще более непримиримо сурово его отношение к движению «германских христиан». Он «говорит свое решительное и безоговорочное *нет* в отношении буквы и духа этого учения». Если бы это движение восторжествовало в церкви, это означало бы конец евангелической церкви. Церковь должна скорее стать маленькой кучкой людей, уйти в катакомбы, чем заключить какой-либо компромисс с этим учением. Его приверженцы — либо соблазнитель, либо соблазненные. Тезисам учения германских христиан он противопоставляет коротко свои тезисы: церковь не должна заботиться о своей популярности в народных массах, а лишь проповедовать неискаженное слово Божие. Церковь служит не человеку и не германскому народу, а только слову Божию; внедрение этого слова Божия среди немецкого народа есть единственная законная форма ее служения «народу». Церковь верует в бо-

жественное установление государства, но не — определенного государственного строя; она возвещает Евангелие во всех царствах мира, следовательно, и в национал-социалистическом государстве, но не под его водительством и не в его духе. Исповедание церкви определяется только Св. Писанием и не может служить орудием какого-либо мирозерцания. Принадлежность к церкви определяется не кровью и расою, а лишь крещением и Св. Духом; исключая из своей среды крещеных евреев, церковь перестала бы быть христианской церковью (мы привели только важнейшие из контртезисов Барта).

Гораздо опаснее самих «германских христиан» кажутся Барту многочисленные сторонники заключения компромиссов с ними — даже если они субъективно руководимы желанием сохранить и оградить чистоту христианской веры. С первыми вообще не о чем говорить, последних же он укоряет в том, что благо церкви, ее преуспеяние в мире, в новой политической обстановке, они ставят выше церковной *правды*. Он отвергает попытки спасти церковь сложными и ухищренными приемами церковно-политической тактики. Опасность грозит не от властей, не от движения «германских христиан», а от внутреннего обмирщения церкви, от «князя мира сего». Свобода церковного благовествования есть не политическая, или юридическая, а духовная свобода. В такой и только в такой свободе нуждаются пастыри. И народу нужно такое стояние за христианскую правду — ибо и в «третьем царстве» ему нужно отпущение грехов, воскресение и вечная жизнь.

Выступление Барта имело огромный успех в богословских кругах — особенно среди молодежи — студентов и молодых пасторов. В нынешней религиозной жизни немецкого протестантизма оно сыграло огромную роль; для многих оно служит утешением и ободрением среди царящей смуты; и, может быть, никогда популярность Барта не была так велика, как теперь. Но нельзя скрывать, что позиция Барта имеет и свои слабые стороны, связанные с общей односторонностью его богословствования. И, может быть, главная его слабость — прямолинейность и упрощенность концепций отношения между Богом и человеком, церковью и миром — даже содействует шумной его популярности. В атмосфере массовых движений суровый радикализм всегда имеет больший успех, чем любовная широта и полнота истины. Педагогически позиция Барта имеет огромное оздоровляющее влияние — она укрепляет глубочайшие религиозные силы духа протестантских верующих кругов, есть как бы скала, на которую снижаются души, мятущиеся в водовороте. Но как бы силен и значителен ни был проникающий Барта дух чистой веры, он страдает односторонностью. Суровый, неколебимо твердый христианский проповедник вместе с тем занимает положение — как ядовито заметил один из его противников из лагеря «германских христиан» — «воробья на крыше

дома, внутри которого разыгрывается трагическая борьба». Его резкие упреки людям, старающимся действительно — хотя и путем компромисса, но не затрагивающего основ веры — утвердить среди смут незыблемость и свободу церковной веры, явно односторонни и отчасти даже напоминают дешевую гордыню упреков русской православной церкви в ее трагическом мученическом стремлении путем несения на себе народного греха спасти церковь от окончательного развала. Радикализм религиозной позиции Барта так велик, что иногда даже бьет мимо цели: в одном из последних выпусков своей «Theologische Existenz» он оговаривается, что другие страны не имеют права голоса в немецкой церковной драме уже потому, что всюду на свете христианство одинаково искажено и в разных формах обмирщено, отдано на служение мирским целям. В конечном счете односторонность позиции Барта определена тем, что христианское сознание исчерпывается для него «страхом Божиим» и исканием «спасения душ»: религиозные проблемы исторической жизни, религиозный смысл мира для него вообще не существует.

В противоположность Барту Фридрих Гейлер, руководитель движения «высокой церкви», является вождем для немногих, для избранной части протестантизма, стремящейся к всеобъемлющей полноте христианского сознания. Нам представляется совершенно бесспорным, что по сочетанию религиозной силы с широтой религиозного сознания Гейлер есть, вне всякого сравнения, величайший богослов современного немецкого протестантизма. Его общее дело — стремление к восстановлению истинной «кафоличности» в протестантизме, к сближению исповеданий, к «оправославлению» протестантизма — есть самое значительное дело нынешнего христианского мира, как бы мал ни был пока внешний его успех. Этими чертами богословски-религиозного сознания Гейлера определена и его позиция в нынешней борьбе. В отличие от Барта, он сочетает непреклонную принципиальность в защите незыблемых основ христианской веры с необычайной чуткостью и любовным вниманием к элементам правды даже в самых смутных и искаженных стремлениях эпохи. Ведя уже давно упорную борьбу с националистическим искажением христианской веры, Гейлер вместе с тем понимает, что проблема «народности» есть тоже *религиозная* проблема, которую надо только суметь разрешить правильно, в согласии с существом христианской веры — не говоря уже о том, что реформа церкви (например, введение епископата, уничтожение раздробленности протестантских церквей) была его знаменем задолго до того, как политические события поставили ее на очередь дня. В специальном выпуске его журнала «Hochkirche», посвященном проблеме «церковь и народ» (июль-август 1933) (в нем сотрудничают и католики, и даже умеренные, догматически приемлемые сторонники «германского христианства»)

Гейлер с необычайной широтой и полнотой обсуждает этот вопрос. Суровое, мужественное отвержение языческих искажений христианства («вместо того, чтобы прибегать к трусливой лжи утверждения “арийского происхождения” Иисуса Христа, приверженцы расовых предрассудков должны были бы в покаянии пасть в прах перед величием Богочеловека» — говорит он) он сочетает с чутьем к потребности выразить неискаженное существо христианской веры в формах, близких душе каждого народа. Но последней глубины первохристианского сознания Гейлер достигает в изумительном «Францисканском письме»¹, обращенном из «Eremo», «с родины бедняка» к францисканским терциариям-протестантам (отрасли францисканского ордена, основанной Гейлером среди протестантов). Он призывает к восстановлению францисканского идеала, который есть не что иное, как простое последование Христу. Для мира оно всегда остается соблазном; мир его не приемлет. И в нынешнее время ученики Франциска — ученики Христа — суть «глупцы», как был «глупцом» для мира и св. Франциск; нужно только радоваться, если их теперь называют только «глупцами», а не злоумышленниками. Гейлер, убежденный и страстный сторонник оцерковления протестантизма, решается, однако, утверждать, что истинное христианство теперь иногда чаще встречается за пределами официальной церковности, чем внутри ее. «Мытари и блудницы скорее войдут в царство небесное, чем вы», «первые будут последними и последние — первыми», — «так, — говорит Гейлер, — было уже во времена Иисуса Христа, так это было во времена “бедняка”, так это и есть теперь». «Из самого существа последования Христу следует, что оно скрыто от очей мира, часто — и от очей церкви». К истинным ученикам Христа Гейлер причисляет Ганди, поскольку он борется за восстановление прав «париев», за признание их «детьми Божиими».

С особой христианской любовью и религиозным упованием Гейлер говорит о «столь поносимых теперь евреях». Папа Пий X — рассказывает он — будучи патриархом Венеции, на вопрос, кто лучшие христиане в его епархии, ответил с улыбкой: «евреи, потому что они больше всех благотворят». То же применимо и к нынешнему времени. «Именно среди гонений, которым подвержены теперь евреи, происходит дивное религиозное пробуждение еврейства, возврат к истокам веры отцов, обращение к профетизму ветхого завета, вспышка мессианических чаяний и, в связи с этим, очень часто обращение к Иисусу Христу». Страдая, в качестве христианина, от антиеврейской пропаганды, Гейлер вместе с тем видит в ней орудие Божьего Промысла, так как он ведет к великой цели завершения царства Христова. Даже исклю-

¹ Franziskanischer Brief aus dem Heimatlanddes Poverello. «Hochkirche». 1933. Heft 9-10. Вышло и отдельной брошюрой. Verlag Erast Reinhardt, München.

чение крещеных евреев из новой немецкой церкви, будучи с *христианской* точки зрения, явлением абсолютно недопустимым, имеет провиденциальное значение, так как образование особых иудео-христианских общин будет содействовать обретению Христа евреями. Гейлер чует в нынешних судьбах еврейства начало исполнения апостольского пророчества, что и «весь Израиль спасется» (Римл. 11, 26). Этим, конечно, не оправдывается антисемитическое гонение. «Но совершенно так же, как без вины иудеев не было бы крестной смерти Христа, так и без вины христиан не может быть возвращения народа Израиля ко Христу, как сыну Божию, и к Его вселенской церкви». А это было бы великим благом не только для самого еврейства, но и для самого христианства. Несмотря на все искажения еврейского характера от тысячелетней отрешенности и гонений, истинная душа еврейства по-прежнему чиста и велика. Нынешние обвинения «еврейского духа» имеют в виду евреев — безбожников; но кто судит о качестве дерева по упавшим с него и гниющим на земле плодам? Гейлер — как в свое время у нас Вл. Соловьев — славит религиозную душу еврейства, из которой родились Моисей, пророки и псалмопевцы и по человеческой плоти — Иисус Христос: «в ней дремлют и доселе дивные силы молитвы, покорности Богу, созерцания Бога и деятельной братской любви». В предыдущие века еврейство могло сообщать эту силу христианству только косвенно, через писанное слово Библии — но какое богатство, какую силу, какую любовь обретет община Христова, когда израильский народ, народ богоизбранный, очищенный от накипи, выросшей в нем за время двухтысячелетнего отделения от Израиля Нового Завета, войдет в видимые врата церкви Христовой!»¹

Если в еврействе ныне пробуждаются новые религиозные силы, то среди христиан, напротив — Гейлер имеет в виду ближайшим образом немецкие церковные круги — встречаем потрясающую измену заветам христианской правды и любви. Гейлера ужасает, с какой легкостью немецкий протестантизм отрекается от самой своей основы — от Библии. Из Евангелия вырывается сразу его первая страница — родословная Иисуса Христа, — на которой евангелист «вколачивает — повторением слова “родил” и упоминанием почти 50 еврейских имен — своим греческим слушателям и всему миру истину о еврейском происхождении по плоти Иисуса Христа». Если христиане вопреки этому свидетельству не стесняются выдумывать басню о «пробуждении северного духа» в явлении Христа и изгонять из церкви своих христианских братьев только за то, что в них течет кровь Иисуса и апостолов, — то они не понимают, что этим они изгоняют из церкви самого Христа и апостолов.

¹ Сохранена пунктуация источника. Прим. ред.

Другим грозным признаком измены новому завету Гейлер считает отсутствие жертвенного духа — вопреки непререкаемому требованию Евангелия стоять за правду и быть готовым к мученичеству в мире. Теперь же, когда дело идет даже не о жертве жизнью и свободой, а только о «неприятностях по службе», многие пастыри готовы идти на отречение от правды Христовой и не стесняются открыто заявлять, что не все рождены быть мучениками. Безбоязненное обличение безбожия и антихристианства есть первый долг пастыря. Гейлер ссылается на слово Бога к пророку Иезекиилю: «Если ты не будешь вразумлять беззаконника и говорить ему, чтобы остеречь его от беззаконного пути его..., то беззаконник тот умрет в беззаконии своем, и Я взыщу кровь его от рук твоих» (3, 18).

Этот остерегающий голос не должен останавливаться ни перед кем, даже и перед князьями и владыками мира. Живущий по новому завету христианин есть лояльный подданный государства, он подчиняется государственному авторитету, он молится за носителей власти. Он отдает кесарю кесарево; но в царстве совести, связанной Богом, прекращается правовое притязание государства. «Притязание на целостное водительство» принадлежит одному лишь Богу вечному и никогда — земному государству. Гейлер напоминает нынешним христианам о поведении христиан в римской империи. Во всем они были послушны власти, но они отказывались кадить перед статуями императоров. За это и только за это — за отказ символизировать обожествление кесаря — они терпели величайшие мучения, но именно в силу своей непреклонности в этом вопросе христианство оказалось победителем над всеми восточными культами, шедшими на соглашения с культом цезарей. Кровь мучеников есть семя христиан.

Наряду с мужественным исповедничеством Гейлер ставит требование живого дела любви и притом любви универсальной, без всяких ограничений. Все самые законные и правильные стремления к церковной реформе, к восстановлению литургии и храмового благолепия (Гейлер имеет в виду сторонников движения «высокой церкви») останутся медью звенящей и кимвалом бряцающим, превратятся в пустую и лживую форму без содержания, если литургическая молитва «о всех и за вся» не будет в жизни осуществляться в деятельной любви ко всем людям: «В мир, объятый пламенем ненависти, будем вносить любовь Иисуса Христа, любовь Того, Чьи руки на кресте были широко раскрыты, чтобы обнять всех, даже злейших врагов. Станем воинами царства Христова, царства истины и любви, царства справедливости и мира!» Царство Божие, к которому принадлежат христиане всех земных царств, есть тоже *диктатура*, но не диктатура насилия, а диктатура любви. В мире, отделенном от Бога, ибо безлюбном, в мире, в котором люди

одержимы демонией ненависти, мести, властолюбия — в этом мире христианин есть вестник вечной любви — смиренной, жертвенной, спасительной, целительной, животворящей любви. Эта любовь должна сосредотачиваться именно на тех, кого мир лишает любви, на изгнанных и опороченных всякого рода, на общественно «прокаженных». Такое служение любви часто есть соблазн и камень преткновения для мира, — для всех, кто требует любви лишь к части ближних и ненависти — для остальных. Поэтому это любовное служение тоже будет *martyrion* <мартирион>, мученическим исповедничеством.

Эта евангельская, францисканская любовь ко всем людям и всему миру должна быть единственным фундаментом для истинной, просветленной, духовно-чистой любви и к земной родине. Гейлер приводит слова св. Франциска, душа которого вся горела любовью к Богу, ко всем людям, ко всякому Божию творению: «ничего сладостнее не видал я никогда, чем *моя* долина Сполето». Любовь к Богу, всеобъемлющая братская любовь и любовь к родине слиты в жизни св. Франциска в дивное созвучие. *Этот* образ должен быть руководителем для истинных христиан-патриотов.

Гейлер заканчивает свое письмо ссылкой на слова, которые св. Франциск в церкви Сан-Дамиано услышал из уст Распятого: «Франциск, пойдя, исправь дом Мой, который, как ты видишь, совсем разваливается». Этот призыв к возрождению церкви обращен и в наше время не только ко всем последователям св. Франциска, но и ко всем, кто нележно называют себя христианами.